

Robert Provençal

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Е. В. Иванова. Флоренский и символисты. Жизненные и творческие пересечения</i>	7
---	---

Раздел I. Опыты литературные

О литературных опытах Флоренского (вступительная заметка).....	17
Ступени	24
В Вечной лазури	96
Стихотворения	125
Послания, шуточные стихи, незавершенное.....	161
<i>Комментарии</i>	179
Святой Владимир. Эсхатологическая мозаика. Поэма	213
Часть I. Иоанн Креститель	213
Часть II. Эсхатологическая мозаика	274
<i>Комментарии</i>	315
Записная тетрадь 1904—1905 гг.	323
<i>Комментарии</i>	414

Раздел II. Эпистолярия

Переписка с Андреем Белым.....	433
<i>Комментарии</i>	485
<i>В. А. Никитин, В. П. Купченко. К истории взаимоотношений</i> <i>отца Павла Флоренского и Максимилиана Волошина</i>	499
Переписка с Мережковскими.....	508
<i>Комментарии</i>	516
Неотправленное письмо Валерию Брюсову	518
<i>Комментарии</i>	533
Письма Сергея Соловьева	535
<i>Комментарии</i>	553
Приложение. «Скорпиак». Поэма.....	568
<i>Комментарии</i>	571
Письма А. С. Петровского	573
<i>Комментарии</i>	589

Раздел III. DUBIA

<i>Петроградский священник. О Блоке</i>	599
<i>Комментарии</i>	626
<i>Е. В. Иванова. Об атрибуции доклада «О Блоке»</i>	633
Указатель имен	662

Е. В. Иванова

ФЛОРЕНСКИЙ И СИМВОЛИСТЫ

Творческие и жизненные пересечения *

Отношения выдающегося русского мыслителя и ученого Павла Александровича Флоренского (1882—1937) и символистов составляют малоизученную область как его биографии, так и истории русского символизма, несмотря на ее очевидную важность. Между тем в 1925 году он признавался в воспоминаниях: «Всю свою жизнь я думал, в сущности, об одном: об отношении явления к ноумену, об обнаружении ноумена в феноменах, о его выявлении, о его воплощении. Это вопрос — о символе. И всю свою жизнь я думал только об одной проблеме, о проблеме *символа*»¹. Тема «Флоренский и теория символа» ждет своего изучения, она требует более полной публикации его обширного наследия. Настоящий том ставит своей задачей стать первым подступом к этой более широкой теме и пытается осветить самый ранний этап

* Составитель выражает благодарность игумену Андронику (Трубачеву) за всемерное содействие в подготовке тома, а также Л. И. Щеголевой за ценные замечания и уточнения к рукописи.

¹ *Флоренский Павел священник*. Детям моим. Воспоминания прошлых дней. М., 1992. С. 153.

формирования теории символа Флоренского, протекавший под знаком сближения с русским символизмом как литературным течением. Это сближение было недолгим, хронологически оно укладывается в рамки короткого периода конца 1903 — начала 1905 года, когда Флоренский печатался в символистских журналах, пытаясь обрести среди них союзников в мировоззренческих исканиях. Соприкосновение с символизмом сыграло исключительно важную роль в самоопределении Флоренского в период, когда созревало его решение поступить в Московскую духовную академию. При этом символизм не всегда выполнял роль духовного ориентира — в ряде случаев, напротив, как это будет видно из материалов тома, общение с некоторыми из символистов способствовало осознанию ложности избранных ими путей. Но и этот отрицательный опыт, вынесенный из общения с символистами, сослужил службу в период, когда Флоренский пытался найти жизненное призвание. Важно отметить в материалах настоящего тома и то, что за пределами этих хронологических рамок дружеские отношения между Флоренским и некоторыми из символистов продолжались. К сожалению, по соображениям объема, в том не вошла важная для настоящей темы переписка Флоренского и Вяч. Иванова², который среди символистов несомненно был наиболее близок Флоренскому как по кругу своих интересов, так и по творческому складу.

Первым символистом, с которым познакомился Флоренский в конце 1903 года, был Андрей Белый, творчество которого вызвало у него особый восторг. К этому времени русский символизм выдвинул на литературную арену два существенно отличавшихся по своим устремлениям поколения. Первое из них, так называемые «старшие символисты», или декаденты — Дмитрий Мережковский, Зинаида Гиппиус, Николай Минский, Константин Бальмонт, Федор Сологуб, Валерий Брюсов, дебютировавшие в середине 1890-х годов, видели цель символизма в идейном обновлении литературы, в которой господствующее положение занимали шестидесятники, воспитанные на идеях революционных демократов. Старшие символисты в стихах и прозе проповедовали философские идеи Ницше и Шопенгауэра, пессимизм и индивидуализм. Особую позицию занимал Валерий Брюсов: на страницах издаваемого им в 1894—1905 годах альманаха «Русские

² Переписка Вяч. Иванова со священником Павлом Флоренским // Вяч. Иванов: Архивные материалы и исследования. М., 1999. С. 93—120.

символисты» он пропагандировал формальные достижения французских символистов, которым подражал и в собственных стихах.

К началу 1900-х годов период «бури и натиска» для этого поколения был позади, Зинаида Гиппиус и Дмитрий Мережковский вступили в полосу так называемых религиозных исканий — они организовали в Петербурге Религиозно-философские собрания, где обсуждались идеи обновления исторической церкви. В ходе этих дискуссий, задуманных как собеседования представителей религиозно настроенной интеллигенции и духовенства, Мережковский и Гиппиус прикровенно пытались найти единомышленников в деле создания новой религии, религии Третьего завета.

Протоколы заседаний Религиозно-философских собраний, отдельные выступления, а также статьи, написанные по следам дискуссий, публиковались в созданном ими журнале «Новый путь» (1903—1904), на страницах которого появилась первая статья Флоренского. Валерий Брюсов в этот период, после кратковременного сотрудничества в журнале Мережковских «Новый путь», участвует в организации первого символистского издательства «Скорпион», начавшего издательскую деятельность в 1899 году, и при нем — символистского журнала «Весы» (1904—1909), главная задача которого заключалась в эстетической переориентации литературы, в проповеди новых эстетических и идейных веяний западноевропейской литературы и искусства. С обретением собственных журналов и издательства символизм занял прочную позицию в литературном процессе.

В начале 1900-х годов на литературную арену вышло второе поколение символистов, так называемые «младшие символисты» — Андрей Белый, Сергей Соловьев, Александр Блок, Вячеслав Иванов. Это поколение формировалось под влиянием идей и поэтического творчества философа Владимира Соловьева (1853—1900), отчего их называли еще «соловьевцами». Младшие символисты принесли в поэзию новые мистические настроения, ожидания близящегося преображения мира под влиянием Вечной Женственности, Софии Премудрости Божией, подлинным пророком которой был Владимир Соловьев («Знайте же, Вечная Женственность ныне В теле нетленном на землю идет...»). Строки из стихотворения Владимира Соловьева «Милый друг, иль ты не видишь...» (1892):

Милый друг, иль ты не видишь,
Что всё видимое нами —

Только отблеск, только тени
От незримого очами...

стали для этого поколения своего рода манифестом, формулой тех ожиданий, которые они связывали с искусством. Поэзия превратилась для них в способ познания и постижения действительности: сквозь видимые покровы явлений она позволяла постичь их скрытую сущность, «незримую очами». От Владимира Соловьева пришла к этим поэтам вера в близящееся религиозное обновление мира, торжество в нем истины, добра и справедливости.

В эту среду и входит молодой Флоренский на последнем курсе естественно-математического отделения университета, среди символистов он пытается найти союзников в начатом им уже тогда «проложении путей к будущему цельному мировоззрению» (так позднее он определит собственную жизненную задачу в автореферате для биографического словаря³). Надо иметь в виду, что символисты делились еще на москвичей и петербуржцев, и Флоренский, живший в Москве, а позднее — в близлежащем Сергиевом Посаде, теснее соприкасался с московскими символистами — Андреем Белым, Сергеем Соловьевым, а позднее — с переехавшимся в Москву Вяч. Ивановым. Но все-таки география в этих контактах имела менее существенную роль, главное заключалось все-таки в родстве мировоззрений, восходящих к общему кумиру тех лет — Владимиру Соловьеву⁴.

Контакты со старшими символистами носили скорее организационный характер — Флоренский был связан с Мережковским и Гиппиус сотрудничеством в журнале «Новый путь» и с Брюсовым — сотрудничеством в журнале «Весы». По общей устремленности своих исканий Флоренский оказался ближе к поколению младших символистов, и с некоторыми из них — Андреем Белым, Сергеем Соловьевым, Вяч. Ивановым — завязавшиеся в начале 1900-х годов отношения продолжались и в последующие годы.

Тесное соприкосновение Флоренского с символизмом как литературным течением укладывается в узкие рамки 1903—1905 годов, когда им были созданы стихи, поэмы и некоторые статьи, ко-

³ Флоренский П. А. Собр. соч. Т. 1. С. 38.

⁴ Подробнее о влиянии идей Соловьева на Флоренского см.: Иванова Е. В. Владимир Соловьев в раннем творчестве Павла Флоренского // Соловьевский сборник: Материалы международной конференции «В. С. Соловьев и его философское наследие». 28—30 августа 2000. М., 2001. С. 114—119.

торые впервые в полном виде представлены в настоящем томе. Если исключить написанную в конце 20-х — начале 30-х годов поэму «Оро», Флоренский в дальнейшем не писал стихов, а написанные ранее считал случайными. Но поэтическое творчество начала 1900-х годов несомненно сыграло свою роль в поисках жанра для его главной дореволюционной книги «Столп и утверждение Истины» (1914). Напряженная патетика этой книги формировалась в ранних литературных опытах, и поэзия символистов, прежде всего — ранний сборник Андрея Белого «Золото в лазури», оказала на нее несомненное влияние. Сходную подготовительную роль играли и многие наброски для написанных и ненаписанных статей в записных тетрадах, также создававшиеся в период общения с символистами, и использованные позднее в примечаниях к «Столпу». Около 1910 года близкий друг Флоренского Александр Ельчанинов записал: «Сегодня я перечитывал его письма 1903—1904 годов и поражаюсь, насколько он мало изменился в своих главных идеях. Кажется, он не отказался ни от чего, высказанного им тогда, а многие идеи, которые он сам, кажется, склонен считать за новые, были у него опять-таки семь лет назад»⁵. Это в равной степени может быть отнесено и к религиозным идеям и статьям Флоренского, и материалы впервые публикуемой в настоящем томе Записной тетради 1904—1905 годов дают необходимые иллюстрации к этой мысли Александра Ельчанинова: содержащиеся в ней наброски статей 1904—1905 годов показывают, что многие замыслы как завершенных, так и незавершенных работ этих лет формировались в тесном соприкосновении с идеями и темами символистов, не говоря о том, что многие из задуманных в эти годы статей первоначально предназначались для символистских журналов, — единственных, где идеи Флоренского могли встретить тогда сочувственный отклик.

Сближение Флоренского с символистами сыграло важную роль и в выборе дальнейшего жизненного поприща: как следует из публикуемых далее писем А. С. Петровского к Флоренскому и из его заметок в Записной тетради, благодаря Петровскому он впервые посетил Московскую духовную академию и принял решение поступать туда после окончания университета. Благодаря А. С. Петровскому и Андрею Белому, произошло знакомство с

⁵ Ельчанинов А. В. Записи // Вестник Российского Студенческого Христианского движения. 1984. № 4 (142). С. 76.

епископом Антонием (Флоренсовым), который стал на долгие годы духовным руководителем Флоренского.

Сближение с символистами, близкое соприкосновение с их внецерковными религиозными исканиями имело неожиданные последствия: оно помогло ему более решительно устремиться в сторону исторической церкви, где он окончательно нашел для себя «Столп и утверждение Истины», что окончательно прояснилось уже в стенах Московской духовной академии. Среди символистов он не сумел обрести надежных союзников и в решении главной для него проблемы *символа*. Позднее в предисловии к неосуществленному словарю символов «Symbolarium» (1923) Флоренский достаточно скептически оценит их значение для создания теории символов, которая продолжала оставаться центральной для него самого: «...кроме заманчивых теорий и очень хороших литературных образов... символисты нам ничего не оставили»⁶. Однако ответственным этот вывод стал после длительного общения с символистами в лице наиболее ярких его представителей.

В статье «О типах возрастания» и в неоконченном ее продолжении «О возрастании типов» Флоренский выразил очень важную мысль о том, что становление каждой личности, «возрастание ее типа» есть глубоко индивидуальный процесс, являющийся исключительным свойством именно данной личности. История его контактов с символистами помогает понять, как, вращаясь в кругу тех же самых идей, Флоренский выходил на совершенно иную дорогу в соответствии с собственным «типом возрастания». Но это не мешает признавать, что в общении с символистами он многое почерпнул, получил иммунитет к некоторым распространенным среди символистов и среди религиозно настроенной интеллигенции заблуждениям. О значении этого опыта можно сказать словами философа Ивана Ильина: «Пушкин должен был быть и сыном своего века, и сыном своего поколения. Он должен был принять в себя все отрицательные черты, струи и тяготения своей эпохи, все опасности и соблазны русского интеллигентского мирозерцания — не для того, чтобы утвердить и оправдать их, а для того, чтобы одолеть их и показать русской интеллигенции, как их можно и должно побеждать»⁷.

⁶ Флоренский П. А. Собр. соч. Т. 2. М., 1996. С. 569.

⁷ Ильин И. А. Русские писатели, литература и искусство. Вашингтон, 1973. С. 20.